

УДК 821.161.1'04.09

DOI 10.31654/2520-6966-2021-19F-104-39-44

Звиняцьковський В. Я.

доктор філологічних наук, професор Маріупольського державного університету

**«Твій талан – вогнем палити душу»
(до історії «Бахчисарайського фонтану»)**

Пропонована стаття розглядає проблему об'єктивного сприйняття пушкінських образів гречанок, пов'язаних з історією поеми «Бахчисарайський фонтан».

Поему написано 1823 р. у Кишиневі. Від історії про те, як одна з кишиневських (або більш ранніх) коханок поета, якась К., розповіла йому сюжет майбутньої поеми, беруть свій початок різноманітні версії «таємничого кохання Пушкіна». Дві з них стосуються гречанок (одна з них – напівгречанка). Це Каліпсо Поліхроні та Софія Кисельова (Потоцька). І хоч припущення про те, що вони в різні часи були коханками Пушкіна, можна вважати доведеними, однак для прояснення питання про те, хто з них міг би бути тією К., яка надала поету відповідну інформацію, слід розглянути як з позиції того, якої, власне, «інформації» потребував автор «Бахчисарайського фонтану», так і з позиції грецької імагології у романтичному художньому уявленні.

Ключові слова: Каліпсо Поліхроні, Софія Кисельова (Потоцька), грецька імагологія, романтичне художнє уявлення.

Путь к созданию «Бахчисарайского фонтана» был непрост и во многих отношениях остаётся для нас загадочным. Нарочито противоречивы даже собственные отзывы Пушкина о его кратком пребывании в Бахчисарае и об источниках сюжета его поэмы.

Так, в «Отрывке из письма к Д» (впервые опубликован в «Северных цветах на 1826 год», а затем в третьем прижизненном издании «Бахчисарайского фонтана») читаем: «В Бахчисарай приехал я больной. Я прежде слышал о странном памятнике влюблённого хана. К. поэтически описывала мне его, называя la fontaine des larmes. Вошед во дворец, увидел я испорченный фонтан; из заржавой железной трубки по каплям падала вода. Я обошёл дворец с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет, и на полуевропейские переделки некоторых комнат. NN почти насильно повёл меня по ветхой лестнице в развалины гарема и на ханское кладбище, но не тем ...

В то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила. Что касается до памятника ханской любовницы, о котором говорит М<уравьев-Апостол И. М.>, я об нём не вспомнил, когда писал свою поэму, а то бы непременно им воспользовался. Растолкуй мне теперь, почему полуденный берег и Бахчисарай имеют для меня прелесть неизъяснимую? Отчего так сильно во мне желание вновь посетить места, оставленные мною с таким равнодушием? или воспоминание самая сильная способность души нашей, и им очаровано всё, что подвластно ему?»

Здесь многое зависит от расшифровки криптонимов. Если NN в данном случае расшифровывается просто и даже буквально (это Николай Николаевич Раевский-младший), то К. равно может оказаться и Киселёвой-Потоцкой, и Katherine Раевской, и даже Калипсо Полихрони: ведь «прежде слышал» и «К. поэтически описывала мне его» находятся в разных предложениях и могут быть отнесены к разным временам.

Криптоним давно и прочно разделил пушкинистов на лагеря сторонников той или иной версии так называемой утаённой любви Пушкина. Интересно, однако, что в черновике письма Пушкин сперва пытался сделать К. гендерно нейтральным («поэтическое воображение К*** назвало», «воображение К*** поэтически называло его»), а затем превратил в мужчину: «К*** поэтически описал мне его и называл» и далее по тексту. По имеющимся черновикам неясно, когда и при каких обстоятельствах К*** стал женщиной [4, с. 100].

Итак, согласно **первой версии** «потаённой любви» [2], дочь польского магната Станислава Щенского Потоцкого и знаменитой **гречанки**-авантюристки Софии Глявоне (которой Украина обязана существованием в Умани парка Софиевка), жена графа П. Д. Киселёва, близко (?) знакомая сначала с Вяземским, а потом с Пушкиным в 1818–1820 гг. в Петербурге (заметим, что ей было в ту пору 17–19 лет), провела какую-то часть своего детства в Симеизе и Массандре и там (?) услышала знаменитую легенду, да ещё и связала её с родом своего отца (согласно этой версии, одну из пленниц хана звали Марией, и была она из рода Потоцких – последнее, вообще говоря, маловероятно). Названная в честь своей знаменитой матери-гречанки и не уступая ей в темпераменте, София Потоцкая была настолько заинтересована в «продвижении» крымских легенд, что Пушкин 4 ноября 1823 г., посылая рукопись «Бахчисарайского фонтана» из Одессы Вяземскому в Петербург для публикации, вынужден был просить: «... припиши к «Бахчисарая» предисловие или послесловие, если не ради меня, то ради твоей похотливой Минервы, Софии Киселёвой». Однако интерес

«похотливой Минервы» к двусмысленному содержанию поэмы мог быть и не связан с тем, что якобы именно она подсказала Пушкину её сюжет.

Более убедительной представляется **вторая версия** как возникновения замысла, так и «утаённой любви», связанная с сёстрами Раевскими [3]. Если всё же допустить, что К., пытавшаяся спасти романтику путешествия от впечатления ржавой трубы и в своём воображении легко увидевшая на её месте «фонтан слёз», – всё же Katherine Раевская, то недаром и многие пушкинисты именно к сёстрам Раевским относят четверостишие в эпилоге поэмы: «Младые девы в той стране Преданье старины узнали И мрачный памятник оне Фонтаном слёз именовали». «Недостаток плана не моя вина, – пояснял Пушкин издателю поэмы Вяземскому. – Я суеверно перекладывал в стихи рассказ молодой женщины». Что же именно «перекладывал» поэт? Гипотетический рассказ Софьи Потоцкой о её детских крымских впечатлениях? Или вдохновлялся фантазиями «младых дев»?

Здесь на сцену выступает генерал Орлов, который 15 мая 1821 г. в Киеве женился на Екатерине Раевской, а 25 августа того же года в Одессе был свидетелем на свадьбе своего друга генерала Киселёва и Софьи Потоцкой. Между двумя этими событиями (и как раз ко времени начала работы Пушкина над «Бахчисарайским фонтаном») в Кишинёве у Орловых вновь, как прежде в Крыму и в Каменке, собралась вся семья Раевских. Пушкин, часто бывавший у Орловых, видимо просил Екатерину во всех подробностях рассказывать ему легенду о «фонтане слёз», которой она так была увлечена, и именно этот «рассказ молодой женщины» положил в основание сюжета поэмы. Вспомним, что русские литераторы пушкинского поколения одной из важных своих задач считали привлечение внимания к своему творчеству именно читательниц, которые пока ещё «по-русски плохо знали, журналов наших не читали». Вот почему соединение в одну поэму неких отрывков, «бессвязных» с традиционной литературной точки зрения, «суеверно» воспроизведено автором в соответствии с «женской логикой» повествовательницы, а, следовательно, и читательниц.

Откуда же могла узнать «преданье старины» сама Екатерина? Слово «преданье» заставляет предположить устный рассказ. А недостаток в гидах, готовых сопровождать путешественников по тем историческим местам, которые им непременно нужно было посетить в Крыму, и тогда уже не было. При этом сами гиды, как и исполняемый ими «крымскотатарский фольклор», пребывали под сильным влия-

нием байронических и прочих восточных поэм западных романтиков. «...Однажды перед свирепым ханом наземь бросили грязный мешок. Его развязали, и из него выкатилась девочка, прекрасная, как цветок розы...» – леденящее начало легенды об изверге-хане и замученной им бедной Диляре заставляло умолкнуть и прислушаться каждого» (газ. «Авдет» (Симферополь), 2015, 4 августа). Именно о Диляре – грузинке или черкешенке, домоправительнице хана, близком прототипе пушкинской Заремы. Именно Диляре посвящён знаменитый мавзолей (дюрбе), построенный по велению хана Кырым Герая (Гирея). И именно о нём Пушкин, по собственному признанию, даже «не вспомнил, когда писал свою поэму» – хотя именно у этого мавзолея первоначально и был поставлен Фонтан слёз.

Видимо, вместе с Екатериной Раевской легендой Бахчисарая увлеклись и другие «младые девы» – её младшие сёстры. Во всех прижизненных изданиях поэмы были пропущены десять стихов («Все думы сердца к ней летят...» – «... Своё безумство разглашать?»), которые Пушкин называл «любовным бредом». Вместе с упоминанием «младых дев» эти стихи крепко связывают создание «Бахчисарайского фонтана» с так называемой «утаённой любовью» поэта, а эту любовь – с именем Марии Раевской.

В письме Пушкина к брату из Одессы от 25 августа 1823 г. читаем: «Здесь Туманский. Он добрый малой, да иногда врёт – напр., он пишет в П. Б. письмо, где говорит, между прочим, обо мне: Пушкин открыл мне немедленно своё сердце и *porte-feuille* – любовь и пр. – фраза, достойная В. Козлова; дело в том, что я прочёл ему отрывки из Бахчисарайского фонтана (новой моей поэмы), сказав, что я не желал бы её напечатать, потому что многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблён, и что роль Петрарки мне не по нутру. Туманский принял это за сердечную доверенность и посвящает меня в Шаликовы – помогите!»

Кстати, это замечание о том, что в поэме «многие места относятся к одной женщине», в которую поэт «был очень долго и очень глупо влюблён», мешает нам поддаться соблазнительной **третьей версии**, т. е. подставить в криптоним К. в «Отрывке из письма к Д» имя кишинёвского персонажа донжуанского списка Пушкина – **гречанки** Калипсо Полихрони. Впрочем, теоретически это возможно, если «образ милый», столь навязчиво сопровождающий лирического героя поэмы в садах Бахчисарая, отделить от образа «молодой женщины», умеющей красиво рассказывать романтические сказки о нравах гаремов восточных владык.

Вспомним, что Калипсо, никогда не бывавшая в Бахчисарае, зато явилась в Кишинёв напрямком из Стамбула и её «консультациями» (или всё же фантазиями?) по «гаремным» вопросам несомненно в той или иной мере пользовался автор «Бахчисарайского фонтана», независимо от того, сама ли Калипсо или другая молодая женщина нафантазировала соответствующий сюжет «крымско-татарского фольклора».

Как бы то ни было, Пушкину была «не по нутру» роль Петрарки, а Калипсо мало подходила на роль Лауры. Гречанка отнюдь не платонически вдохновляла поэта, и посвящённое ей стихотворение, которое так и называется – «Гречанке», вообще-то основано на любимом рассказе самой Калипсо о её интимной связи с лордом Байроном, восторженно принятом Пушкиным за чистую монету:

Ты рождена воспламенять

Воображение поэтов... –

так он начинает адресованный ей мадригал. И есть ещё один мадригал, гипотетически посвящённый Калипсо, «Иностранке», причём в кишинёвских рукописях поэта черновая редакция имеет другое название («Гречанке?») и значительно отличается текстом, да в сущности и темой. Так, третье, заключительное, четверостишие в черновой редакции звучало так:

Я помнить буду, друг любимый,

В уединённой тьме ночей

Твой поцелуй неутомимый

И жар томительных очей.

Если в такой редакции стихотворение действительно должно было бы адресоваться гречанке, то у лирического адресата имелся бы совершенно ясный прототип – всё та же Калипсо Полихрони. Но проблема в том, что во втором стихотворении речь идёт о расставании, а с Калипсо Пушкин был до самого отъезда из Кишинёва неразлучен (что отнюдь ни ему, ни ей не мешало заводить и другие связи) и даже наезжал к ней потом из Одессы и показывал её своим друзьям.

По воспоминанию одного из них, Ф. Ф. Вигеля, Калипсо, плохо владея русским, знала зато многие другие языки: «Исключая турецкого и природного греческого, хорошо знала она ещё языки арабский, молдавский, итальянский и французский. Лет пятнадцати будто бы впервые познала она страсть в объятьях лорда Байрона, путешествовавшего тогда по Греции» [1, с. 152].

На момент знакомства с Пушкиным Калипсо было 17 лет. Из мемуара Вигеля явствуют «языки страстей», на которых она изъяснялась со своими великими возлюбленными: с Байроном по-итальянски, с

Пушкиным по-французски. Однако же в мадригале «Иностранке» (особенно в редакции, переписанной Пушкиным из тетради № 834 в тетрадь № 833 под заглавием «В альбом иностранке», – с новым финалом, тематически привязанным к первой строке) речь уже идёт именно о такой любви, которая вся совершается на языке непонятном, «невнятном» возлюбленной: она верит «сердцу» лирического героя, «его страстей не понимая». Приходится предполагать, что по возвращении на север кишинёвский черновик послужил к созданию яркого «синтетического» текста: перед нами как бы обобщённый образ всех южных возлюбленных поэта.

Литература

1. Вигель Ф. Ф. Записки. Москва, 1892.
2. Гроссман Л. П. У истоков «Бахчисарайского фонтана». *Пушкин: Исследования и материалы*. Москва; Ленинград, 1960. Т. 3. С. 49–100.
3. Иезуитова Р. В. «Утаённая любовь» Пушкина. *Легенды и мифы о Пушкине*. Санкт-Петербург, 1995.
4. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Москва; Ленинград, 1940. Т. 8. Ч. 2.

References

1. Vigel, F. F., (1892). *Zapiski* [The Notes]. Moscow: [in Russian].
2. Grossman, L. P., (1960). *U istokov «Bakhchisarayskogo Fontana»* [To the history of «The Fountain of Bakhchisaray» Pushkin: Issledovania i materialy. Vol. 3. S. 49–100 [in Russian].
3. Iyezuitova, R. V., (1995). «*Utayonnaya lyubov*» *Pushkina*. [Pushkin's hidden love] *Legendy i mify o Pushkine*. Sanct-Petersbourg [in Russian].
4. Pushkin, A. S., (1940). *Polnoye sobraniye sochinyeniy* [Complete Works]. V. 8, part 2. Leningrad. [in Russian].

Zvinyatskovsky V.

Doctor of Philology, Professor of Mariupol State University

«You were born to be a fire».

(To the history of «The Fountain of Bakhchisaray»)

The proposed article reveals the problem of objective perception of Pushkin's feminine Greek personalities, connected with the history of «The Fountain of Bakhchisaray».

The poem was written in Kishinev in 1823. Pushkin's mystification concerning an origine of exotic plot of the poem and a personality of some unknown K., «a story teller» (some of poet's lovers), is the beginning of a lot of versions of «a poet's hidden love».

Two of them deal with feminine Greek (or half-Greek) personalities – Sophia Kiselyova (Potocka) and Kalipso Polichroni. Their love stories with Pushkin are fundamentally proved. But a clarification of the matter gives us a comparison of their possible input as Pushkin's informators from the point of view of specific of the possible information and of the Greek imagology in Romantic artistic imagination as well.

Key words: *Sophia Kiselyova (Potocka), Kalipso Polichroni, Greek imagology, Romantic artistic imagination.*